

Грузия, которая нас потеряла

Это событие – редкий ныне отгосок некогда существовавшего притяжения русской и грузинской интеллигенции, в свое время давшей Москве настоящую моду на все грузинское. Юрий Башмет в очередном концерте с исполнением посвященных ему сочинений представил виднейшие персоналии грузинской музыки – тбилисского дирижера Джансуга Кахидзе и композитора Гию Канчели, живущего ныне в Антверпене.

Маэстро открыл концерт поэмой Рихарда Штрауса «Жизнь героя», образцом воплощенного в силе и богатстве звуков романтического беспредела чувств столетней давности. За пультом Госоркестра (светлановского), находящегося в весьма плачевном состоянии, Башмету удалось добиться немало. Выбрав сочинение, сложное для оркестра, не привыкшего к Штраусу, он сумел собрать разболтавшийся коллектив силой дисциплинированного жеста, удержать многослойную оркестровую массу и в то же время сосредоточиться на самой музыке. В лучших традициях истинного интеллигента он творил, невзирая на малоблагоприятные для этого внешние условия. Даже неудачные соло духовых не поме-

шали ему все-таки внушить оркестру «штраусовское» звучание – легкость и просветленность его эмоционально-бурной и массивной оркестровой фактуры. Немного «затормозив» на лирическом третьем эпизоде, дирижер с блестящим воплотил единое экстагическое дыхание этой музыки.

Во втором отделении Кахидзе впервые дирижировал новым сочинением своего друга Гии Канчели – «Стикс для альта, хора и оркестра». Его мировая премьера недавно досталась публике Амстердама. Теперь и в Москве триумфально подтвердилась репутация Канчели как редкого композитора, умеющего показать «человеческое» лицо современных музыкальных средств. Вдохновившись прекрасным голосом альта в руках Юрия Башмета, он занялся анатомией феномена человеческой памяти. Образом Стикса, реки, разделяющей в греческой мифологии царство живых и царство мертвых, он дал ключ к ясному построению своего сочинения: хор поет о прошлом, обратившемся в незбываемую вечность, оркестр изредка вторгается агрессивной настоящю, а альт непрерывно поет голосом души о страдании, трепете и замирании живущего на неизбежном пересечении этих двух

Кахидзе, Башмет и Канчели – братья навек.

миров. В своей небольшой аннотации автор сообщил, что тексты, исполняемые хором, – это «молитвы, названия грузинских храмов, имена ушедших друзей», а затем – монолог о времени из «Зимней сказки» Шекспира. В финале виброфон имитирует плеск воды, эхом от альта к оркестру проходит отзвук земного веселья (авторцитата песенки из кинофильма «Мимино»), и альт –

«душа» в изнеможении затихает. Все завершается взрывом этой трехсторонней напряженной связи, за которым стоит полное небытие. Канчели по-прежнему обратился к слушателю напрямую через мир его эмоций и напомнил московской публике о самых привлекательных чертах грузинского искусства, сочетающего яркую южную любовь к жизни с ее глубинным познанием.